

Александр Иванушкин

Ангелы

Александр Иванушкин

Ангелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18514534

ISBN 9785447474409

Аннотация

Ангелы в этой сказке сильны настолько, что их даже видно в людях. А может, люди в этой сказке чисты настолько, что сквозь них даже видно ангелов. Сколь бы циничен и уныл не был общий взгляд на сегодняшнего человека, все одно, найдется идеалист и напишет что-нибудь такое. Ангелы среди нас, это не обсуждается. Счастливого чтения тебе, дорогой человек.

Содержание

Ангелы	5
.1	5
.2	10
.3	12
.4	15
.5	17
.6	19
.7	21
.8	23
.9	25
.10	29
.11	32
.12	36
.13	38
.14	41
.15	44
.16	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ангелы

Александр Иванушкин

© Александр Иванушкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангелы

.1

В этой квартире жили этруски. Папа – этруск, мама – этруска и дети (4 шт.) – этруски. В общем, милые люди. Меня приняли в этруски этой квартиры на простых условиях – оплата половины продуктов и обучение детей музыке. Очень хорошие условия.

Старшая девочка Мила училась играть на гитаре, мальчик Буян на блок флейте, а младшие двойняшки Любава и Рада пока пели со всеми гимны живой природе. Гимны эти незнамо кто и когда написал, но каждый этруск обязан их петь. Папа Вячеслав был непреклонен. Единственным этруском, который мог нарушать папины установления, была мама Агния, не смотря на очевидную беременность – единственный работающий член семьи.

Все началось самым обычным вечером. Мила и Буян искренне напрягались (кто быстрее), пытаясь записать нотками «Жили у бабуси...», а Лю и Ра отпиливали папиной ножовкой хобот пластмассовому слону. Я контролировал и направлял оба процесса. Мама еще на работе. Папа незна-

мо где.

Зарычал необычным голосом холодильник, хлопнул холодной дверцей своей и из кухни вышла мокрая белая панда. Неожиданно громко закричали этрусские дети. Панда сказала: «Здравствуйте», и протянула белые лапы.

Панд всяческих я видел и раньше, только не видел совершенно белых и голубоглазых, и не слышал от них человеческой речи. Дети затихли и спрятались за меня. Панда сказала: «У меня беда, я мокрый, помогите, пожалуйста».

Безусловно, зверь умеющий сказать «пожалуйста» вызвал мое доверие. Кроме того, нет ничего педагогичней, чем оказывать помощь кому-либо вместе с детьми. Я объяснил малышам, что панды едят бамбук, а мы на бамбук совсем не похожи. Два полотенца и мамин фен (которым можно) пошли в ход.

Адаптация к необычному у этрусков мгновенна. Очень скоро панда хрюкал на полу под кучей детей, которые его активно сушили. И тут пришла мама. Она все увидела и села на стул. Одной рукой она держалась за живот, а другой за голову.

– Мамочка, глянь какой он пушистый!

– Я ем только бамбук, а вы на бамбук совсем не похожи...

Адаптация взрослого этруска, по непонятным причинам, затягивалась. Варианты – «Это такой костюм», «Это такая галлюцинация», «Это настоящая говорящая панда, которую не боятся мои дети». Взрослый этруск никогда, ни в чем не уверен до конца. Наверное, это следствие долгого общения с неэтрусками. Но чудо в том, что даже не уверенный до конца, он способен абстрагироваться от собственной неуверенности.

– Простите, но я не купила на ужин бамбук. Я не могла предположить, что он понадобится, да и не продают его у нас.

– Не стоит волнения это. Меня ждут к ужину дома. К вам я зашел в надежде на помощь. Лучше чем здесь, меня нигде не сушили.

И этот, теперь действительно очень пушистый, панда вышел на кухню и хлопнул там дверцей холодильника. Лю и Ра закричали от горя сразу. Старшие заглянули в холодильник, за него, под стол, за штору и тоже надулись. Агния же, открыв холодильник, сказала:

– Этруски, нас обманули, этот мех ест не только бамбук!

Действительно, холодильник был пуст. И половина ис-

чезнувшего была оплачена мной. Папа пришел чем-то озабоченный. Дети поспешили рассказать ему о том, как они сушили панду. Рассказывали они одновременно, и главный этруск ответил единственно точной репликой:

– Ну и кто, по вашему, его намочил?

Стало тише, и Вячеслав сказал главное:

– Этруски, долгое время мы жили среди лангобардов, вандалов, нордготов, готтенмотов и других не самых древних и не самых симпатичных народов. Сегодня все кончилось. Я встретил этрусков! Они зовут нас в Этрусию. Мы драгоценный генофонд нашей прекрасной страны, нам будет оказана моральная и материальная помощь и предоставлен транспорт!

Мама Агния села на стул, одной рукой взялась за живот, а другой за голову.

– Я обменял нашу квартиру на огромный дом в горах, в совершенно диких этруских горах. Там, вокруг нас, будут жить еще несколько этруских семей, чьи отцы сделали то же самое. У древних этрусков все схвачено в мире чистогана – оформление заняло пол дня. Все законно, все улажено. Машина ждет у подъезда. Через час сюда въедет новый хозяин. Собирайтесь!

Мама Агния заплакала, дети начали прыгать. Я спросил, чем могу помочь.

— Ты этруск, значит едешь с нами. Там, в Этрусии, женишься на этруске и сделаешь много прекрасных этрусков. Все.

Если честно, я не совсем этруск. Были у меня в роду и лангобарды, и нордготы, а одна прабабушка вообще натуральная вандалка. Но этрусков было, конечно, больше, иначе отчего я их так хорошо понимаю и так беспричинно люблю? О существовании современной мне Этрусии я слышал первый раз. Почему в горах?

Агния просто ничего не успела закатить. В квартиру вошли четверо вандалов в нестабильном (рушим Рим) состоянии. Всех этрусков этой квартиры плотно обмотали красным скотчем, вынесли на улицу и погрузили в крытый грузовик. Так я оказался на пути и обрел смысл.

.2

Горы (на санскрите «гиры») от подножия познаются ногами, сердцем же горы познаются от вершин. То, что самая высокая гора мира – северный полюс, сейчас горой не считается, результат деградации масштаба мышления. Не извиняет учебники географии даже факт наличия на вершине горы океана.

Сторонникам традиционно-научной космогонии вопрос: Где же возникла первая жизнь на быстро остывающей планете? Вершина какой горы остыла быстрее прочих мест? Правильно. Экватор еще булькал, а на полюсе уже созрел первый банан. Мы все родом из рая. И рай наш сейчас под океаном на вершине самой высокой горы. Здравствуйте.

Человек в черном подряснике и остроконечной шапочке сидел на вершине горы. Шапочка эта была не уставная. Монастырь, в котором он при пострижении дал свои обеты Богу и братии, держался афонского устава. Шапочка положена ему кастрюлькой.

Но монах любил эту. Она была частью невидимого миру доспеха. Уже год он не снимал с себя одежду и обувь. Мылся в реке целиком. А зимой и не мылся. Брань была жестокой,

всегда на грани краха. Два беспощадных врага – похоть тела и похоть духа, без пауз сменяя друг друга, грызли его сердце.

Но рядом был Живой Бог. Монах не просто верил в это, даже не просто твердо знал, он чувствовал сердцем, что окружен заботой во всем, в каждой мелочи. Чувствовал, как плачет от его падений и ликует от его побед Любовь Небрезгливая, создавшая небо и землю и все, что есть в них.

Пора было уходить. Спуск к келье займет все оставшееся до темноты время. Над пустующими домиками далеко внизу лентами красного скотча наливался закат.

Когда-то здесь была линейная станица. Станица, построенная на линии отделявшей немирных горцев от вовсе непримиримых. Казаки сели на хорошие земли, но мира не было. Караван с рабами через долину к туркам не проведешь, в набег большой силой мимо не прокрадешься – горцы станицу жгли три раза.

Казачки в долгу не оставались, зверели на глазах, так, что православного от язычника и отличить трудно было. Но войну эту не они придумали. Всегда кровь льют невинные, редко виноватые. Война кончилась. Непримиримых, кого перебили, кто сам уехал, кого выселили, а немирные замирились. Горцы – воины, потому жалобы их на войну смешны. Програвший – платит.

А станица, боевая единица, стала здесь лишней. Заселенных мужичков казаки задирали крепко. Власть станицу на другую, какую линию перевела. Место же обжитое осталось. Не станица уже, а село. И росло это село быстро, так как сельчане и работать и рожать очень хорошо умели.

Потом социальный катаклизм население вдвое уменьшил. Но не убил. И большая война, все дома сожгла, всех муж-

чин взяла, но бабы остались, а с ними и жизнь. Немец на эти горы и «Эдельвейс» на парашютах сбрасывал, и по долине на танках разок проехал, но проиграл. Почему платил потом не тем, кому проиграл – другой вопрос.

После войны пошли промышленные лесозаготовки. Народу прибавилось, и село стало большим и веселым поселком. Валили лес подряд, не глядя, страна строилась. Счастье этих гор – лес брал не немец, брали мы, оттого и мусора древесного, и делового леса много на делянках (бесхозяйственность) гнить оставалось.

А в гнили этой – все для роста нового леса, и пища для птиц. Кто об этом думал? Вот по Европе леса сажают, а те не растут – птиц нет. Зато хозяйствовали эффективно предки-протестанты, над нами чумазыми посмеиваясь.

Здесь же лес с тех пор уже третий раз растет сам собой, но, конечно, медленней, чем лесхозу надо бы. Оттого, тихо люди разъехались, кто к унитазу теплomu, кто еще к чему. Но не судьба месту непростому пустовать под горой. Нашлись толковые аферисты, и оптовый обмен бросовой недвижимостью на дорогую городскую произвели.

У звящего Педро Иггдрассиля не вышло – офисный планктон без офисов – нонсенс. А этруски под Богом восемь

тысяч лет ходят, дойти не могут. Получилось. Все жестко, быстро и законно. Свои люди в опекунских советах за мзду подмахнули заявления бестолковых отцов о перепрописке домочад в дома с большей жилой площадью. Дома эти срочно оформлены в собственность по доверенностям от этих отцов полученным. По тем же доверенностям городские квартиры срочно проданы.

Единственным сомнительным звеном была упаковка и доставка счастливых этрусков к месту новой прописки. Скорость требует жертв, но исключает накладки. Незаконным было и применение поголовно к взрослым и детям средней вредности наркотика. Но что лучше – двое суток без движения в панике и, простите, отходах жизнедеятельности или счастливая дрема с последующей головной болью и частичной амнезией?

Вандалы в стабильном (строим Карфаген) состоянии развезли просыпающихся по домам, срезали красные ленты и, руководствуясь строгим приказом, увезли их с собой. Когда хрюк последней машины затих и пыль осела на сухой проселок, Этрусия начала быть.

Красота земли многими не постигается в должной форме. Как ни трагично, но для многих красота земли – умопостигаемый элемент. Положено охать, вот и охаем, а сердце считает другие бонусы. К счастью этруски восходят по прямой линии к кроманьонцам – самой искренней, сердечной и доверчивой адамовой ветви.

Я сам видел, как этруссские дети ходили по саду, трогали яблони, как катались в густой траве и кричали: «Трава! Трава!». Я видел, как этрусская мама простила мужа за то, что больше никогда не увидит лицемерных офисных рож. Я видел, как никогда ничего не чинивший этруск пытался застеклить выбитое окно!

А судьбу мы выбрали, сами того не заметив, когда папа спросил у всех, указав пальцем на икону в углу.

- Что сделаем с этим?
- Оставим так, – почему-то сказала беременная Агния.
- Он такой красивый, – сказала старшая дочь.
- А кто это? – хором закричали Ра и Лю.
- Значит, оставим так, – постановил Вячеслав, которому хотелось себя удивлять.

О том, что первый же благодарственный гимн живой природе под этим ликом превратится в глупую дошкольную считалку, и что это почувствуют даже младшенькие, он тогда не знал.

Возможность видеть пушистую изморозь в яркой июльской листве – не поэтическое извращение. Тот, на кого сквозь густую зелень смотрит искристый снег, обречен и в синих сугробах различать тонкие блики золотого лета. Нельзя отделять насущное от возвышенного, иначе насущное деградирует, а возвышенное превратится в пыльную абстракцию.

Два молодых нордгота, Вася и Света, знали и любили множество пыльных абстракций, но в живой жизни, разумеется, руководила ими насущная деградация. Покупка этой этрусской квартиры сопровождалась дичайшими мытарствами. От жесткого прессинга родителей, до простого офисного грабежа (это, когда тибришь работу у того, кому ее дало начальство).

Поскольку умение разделять насущное и возвышенное, у нордготов развито в совершенстве, ни что не омрачало праздник новоселья. Когда очень мокрый панда вышел из холодильника, пьяные гости обсуждали главу корпорации. Он имел недостатки, потому всем было очень весело.

– Где мои дети? – спросил очень мокрый панда.

Способность адаптироваться к необычному, обратно пропорциональна способности разделять насущное и возвышенное. Проще, чем ты практичней, тем все вокруг обычной. Вась, как бывший морпех, подхватил со стола длинный нож.

– Я ем только бамбук, а вы на бамбук совсем не похожи.

Ни кто не поверил. Один из гостей достал газовый пистолет, другой принялся отламывать ножку от стула. Дамы, зажмурившись, визжали. Неожиданно, очень мокрый панда все понял. От ужаса он описался и возопил:

– Мамочка!!!

И мама пришла. Пандесса была огромна, сухая шерсть на ней стояла дыбом и светилась от ярости. Ни кто не успел пукнуть. В две секунды, хорошие, в принципе, люди превратились в груды деформированных трупов. Мама втянула окровавленные когти. Панда плакал. Очень мокрый панда плакал оттого, что теперь его не скоро отпустят гулять одного.

«Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного», повторял монах – «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного». Помилуй – калька с греческого «элеисон» – елей возложи, в значении – исцели. Но в русском это слово имеет и свой, юридический, оттенок.

В какой-то момент судьи наши перестали миловать, и начали оправдывать. Теперь не помилован, а оправдан избежавший наказания, ну а кто не оправдан, тот тем паче милости не дождется. С того же поворотного момента стало расти число людей милости от кого-либо не прощающих. Оправдай до бела, но не милуй не глядя.

Горько это оттого, что милости не принявший и сам миловать не станет. И не услышит он: «Блаженны милостивии, ибо они помилованы будут». Просто не услышит, хоть в ухо кричи.

Монаху же, молитва была соприсутствием Христу Воскресшему. В молитве он больше слушал, чем говорил. Богообщение, для гордого – ад, для совершенного – рай, для познающего себя – то так, то этак.

Монах повторял молитву и смотрел, как оживает место под горой. В бездне непознанного мерцали паутинки реакций:

- Люди! К людям! В тепло, к разговорам и домашней еде!
- Только увидел, сразу возжелал...
- Так любовь же к ближнему заповедана... К людям!
- В твоём случае, это любовь к жратве и празднословию...
- Христианин обязан благовествовать! Нести людям Евангелие!

– Вот и впал ты в гордыньку-дыньку, лицемер... К жратве, празднословию и славе от человеков прешь, миссионер...

– Тогда уйди и сегодня траву с грибами не вари, и спи не в келье, а в росе голый и голодный.

– Нет, бес. Любовь любит, а люди – вот они. Любить надо.

– Так молись за них голый и голодный. Во будет подвиг!

– Опять на гордыню тянешь, тварь несытая... Нет. Молиться за них я буду и так. В том подвига нет. Господи, вразуми...

– Вера без дел мертва. Дела же, без любви – ничто. Любовь, это действие с верой Богу Живому. Действуй.

– Да. Пойди и найди там девку подороже. Заживешь, деток наделаешь, чадородие – благо!

– Пошел вон, козел, из сердца моего... Пойду к ним, потому, что люблю в них образ Божий, и стану им служить, как Спаситель учил. Господи, помилуй...

Соседи – совместно сидящие. Буковка «и» на конце слова обозначает не только множественное число, но и открытость этого числа в сторону увеличения. А еще она привносит легкий вопросительный окрас: «Со сед, и?».

Крепенький старичок сосед Вячеславу сразу понравился. Знакомство случилось у ветхой калитки.

– Какая тут атмосфера! Какая аура! Место силы! Однозначно, здесь место великой силы! Я волхв Девясил, здравствуйте.

– Вячеслав...

– Необыкновенная гора. Я направляюсь в разведку, не хотите со мной? Здесь могут быть менгиры. И даже дольмены! Знаете ли вы, что дольмены строили этруски? А знаете для чего? Это было естественное супер оружие против инопланетян!

– Правда? Как же естественное, если строили?

– Долго объяснять. Вы идете? Могут попасться грибы.

– Да, я иду. Первый раз вижу этрусского волхва.

– О, этрусские волхвы наследники Атлантиды! Гермес Трисмегист был этрусским волхвом! Вся духовная культура Атлантиды была сохранена! Дикие евроазиаты получили просвещение из рук этрусских волхвов! Вы знали это?

– Нет. Но теперь мне кажется, что по другому и быть не могло...

– У вас удивительная, светло-зеленая аура! С голубенькими искорками! А у меня три дочери. У старшей тоже светло-зеленая, с искорками! Правда с золотыми. Удивительный получится союз!

– Я, как бы, уже состою в союзе. У меня жена и четверо детей...

– Это не важно. Вы знаете, что атланты имели много жен? Этруски с такой аурой не должны ограничивать себя плебейскими стереотипами!

– Вряд ли моя жена согласится...

– О! Это просто. Небольшая операция с астральным телом и ваша жена всегда будет с вами согласна.

– Может не надо операций...

– Волхвы этрусков отвечают за все! Не беспокойтесь. Это карма!

– Смотрите! Это, наверное, гриб.

– Точно! А вот и еще один! И там, дальше... Нам везет!

Грибов действительно было много. Девясил снял рубашку и соорудил из нее мешок. Вячеслав рвал грибы и думал, что оперировать жену не даст. А еще, интересно все-таки посмотреть, что там за зеленая с искорками.

Существует ошибочное мнение, что дети лучше учатся играя. Я же знаю из опыта, что в детскую память навсегда врезаются вещи, которые делаются всерьез. Не имитация, а именно реальное соучастие во взрослых заботах – предмет их вожелений.

Педагог принуждающий к играм не только тормозит вертикальное развитие человека, но и создает благотворную среду для закрепления двойной морали – вот здесь мы условно играем, а вот здесь сами по себе живем.

Очень взрослой заботой для этрусков в новой Этрусии была добыча еды. Потому я построил удочку и с этрусскими детьми отправился на речку. Мила, Буян, Любава и Рада никогда не ловили рыбу. Мало того, они никогда не ловили ее, чтобы накормить всех.

Гора имела форму лежащего льва. По ущелью между огромными передними лапами змеилась чистая речка, которую в разные времена называли по разному. Псыпагэ – «гордая вода», горское название, река утеряла, а нового колонисты не дали, Безыменкой звалась. Строители дольменов называли реку, Андойча, а атланты, конечно же – Бхлаваъкри-

ръгундаръвешкъ.

За широкой полосой густого орешника, прямо напротив нашего дома, дети нашли ступенчатый водопадик. Он ниспадал в обширную каменную чашу, вполне для рыбалки перспективную. Мы постановили, вначале рыба, потом купанье.

Удочку, как самому крепкому, вручили Буяну. Мила, как самая зоркая, уже увидела рыбу и заманивала ее на крючок из булавки ласковыми словами. Ну а Ра и Лю, узнав, что они тоже рыбы, убежали рвать зеленые орехи.

Образовательный момент состоял в том, что я рассказал этрусским детям, как усваивается кислород. В наших легких он растворяется в водяных мешочках, альвеолах, и только из этого раствора попадает в кровь. То есть мы тоже берем кислород из воды, как и рыбы, только свой океан носим с собой.

Удивительно много могут сказать думающему человеку окружающие его мелочи. Особенно, если он находится на месте загадочного преступления, а начальство требует немедленно все разгадать.

Пластмассовый слон с отпиленным хоботом, странный запах в холодильнике, колечки от использованного скотча в мусорном ведре. Здесь сидели за праздничным столом, все недопитое и недоеденное на столе по сю пору.

В морге страшно изуродованные, исполосованные неустановленным оружием трупы. Мотива – нет. Все обычные, малозначимые люди. Ни наследств, ни страховок, ни порочащих связей. Значит – маньяк. Здоровенный, пять мужиков легли. Газовый пистолет, нож в мертвой руке. Все говорит, что сопротивляться они пытались.

При них пять нестарых женщин. Убиты все одинаково. Значит маньяк не сексуальный. Волосы дыбом. Зачем слону хобот отпилили? И почему воняет мокрой шерстью? Следовательно Рудомаха был лангобардом. Лангобардам вообще свойственен вопросительный взгляд на мир. В чудовищного маньяка, почему-то не хотелось верить, но для начальства,

пока, и маньяк сойдет.

А сейчас, необходимо расслабить морщины на лбу и охватить всю картинку целиком. Полное внимание без натужной концентрации на мелочах, то есть, без автоматических оценок. Как добыть новое? Перестать твердить старое и послушать тишину.

Лангобард Рудомаха открыл пустой холодильник, поставил на решетчатую полочку пластмассового слона с отпиленным хоботом и сел на пол. Холодильник светился и мурчал. Слон мерз. Рудомаха слушал тишину.

В тишине мерцали цепочки, спиральки и паутинки. В тишине что-то роилось и позвякивало, кто-то сопел и всхрюкивал. Сердце, конечно, стучало и кровь шуршала в сосудах. В пищевode чего-то чавкнуло. Это все фон любой тишины. Как к любому фону, к нему привыкаешь и перестаешь замечать.

А хорошо как бывает тишину послушать! Масштаб бытовой суеты теряешь и микро, и макро штуки одновременно усваиваться начинают. Целомудрие восприятия, называется. Мир – целиком. И в мире этом холодильник. А из холодильника выходит белая панда со слонem игрушечным в руках, и говорит:

– Зачем это сюда поставили? Это невкусно. Я пробовал.

– А зачем ему хобот отпилили?

– Не знаю, это дети, наверное. Они очень хорошие.

– А почему мокрой шерстью в холодильнике пахнет?

– Это я мокрый вчера приходил. Меня здесь сушат.

– А кто здесь десять человек убил?

– Мама. Они меня испугали до ужаса, и я закричал. А мама за меня испугалась до ужаса, и их убила.

– А дети где?

– Не знаю. Они были здесь. А потом, я пришел, были эти. Найди мне детей, человек. Я из дома убежал. Мне без детей очень плохо. Пожалуйста.

– Хорошо. Я попробую найти твоих детей. А ты правда из холодильника вышел?

– Да. Найди детей и отдай им мой холодильник. Меня сейчас сушить некому. Мне сейчас очень плохо.

И белая панда ушла, и слона с собой унесла, и тишину великолепную тоже. А лангобард Рудомаха остался и еще немного на полу посидел, голову почесывая. А потом встал и решил, что обязательно найдет пропавших детей и обязательно отдаст им этот холодильник. Хотя бы для того, чтобы панду еще раз увидеть.

И начальство теперь ему не начальство. Хватит. Рудомаха откантовал холодильник к лифту и вызвал по мобильнику

грузовое такси. Мало ли кто может появиться здесь и снова испугать до ужаса этого Меха. Трупов на сегодня достаточно.

Дом (на санскрите «дам») сейчас имеет не каждый. Суррогатное сотовое жилье, даже улучшенной планировки, даже в престижном районе, домом называют не знавшие лучшего. Многие имеют дом для отдыха на природе (за чертой города), но отдыхать и жить – разные вещи.

Одна симпатичная старушка из глухой провинции на вопрос наивного туриста: «Почему в город к детям не переберетесь?», честно ответила: «Знаю я ваши города, была там. Это просто уму не постижимо. Вот здесь за столом сидят еду едят, а в метре за тонкой стенкой сидят нужду справляют. Кошмар».

Старушку можно понять. В девяносто восемь и в дождь, и в пургу, она нужду за огород в будочку носит. И хоть убей, в доме этого делать не станет. Кроманьонка.

Агния обживала свой первый дом. Большая печь – загадка. Отложим до холодов. Четыре огромных комнаты и веранда – нужны двухэтажные кровати для детей – две и маленькая, с перильцами, для неизвестного. Неизвестный был стоворчив и тих, наверное мальчик.

Черный человек в остроконечной шапочке бесшумно возник на крыльце.

– Хозяйка, здравствуйте.

– Здравствуйте...

– Чего помочь?

– В смысле?

– Чего вам надо бы тут сделать полезного Бога ради?

– А вы кто?

– Раб Божий. Зарок дал служить людям за так. Че делать?

– Не знаю. Я джинов себе по-другому представляла.

– А мы и не джины. Говори чего надо, а то в другой двор пойду.

– Не надо в другой. Мне много чего надо. Вот кровати для детей двухэтажные – две, и для малыша, с перильцами – одну. И окна есть разбитые – заделать. И хочу курятник с курами – большой, а петух, чтобы оранжевый, как солнце и звонко-звонко пел по утрам. А еще корову белую и рога у нее, как лира. И молоко сладкое-сладкое. А еще огород с овощами, чтобы всю зиму свое кушать. И яблони надо обрезать, и груши, и сливы – чтобы варенья было на всех этрусков. Да, еще смородину и малину! И облепиху! Вот...

– Не много хочешь. Сделаем.

– А я еще не все поняла, что хочу. Ты, джин, погоди. Мне еще что может в голову прийти. От столового сервиза, до мира во всем мире.

– Не переживай, хозяйка. Все сделаем, только по очереди.

Наше дело служить, а твое не тужить.

Черный человек в остроконечной шапочке щепку во дворе подобрал и в дом вошел, мерки для кроватей снимать. Агния, почему-то, села. Одной рукой за живот, а другой за голову взялась.

Да станут твоими сто путей (на санскрите «тудже нас танете сатапати»). Скорее проклятье, чем благословение. Вячеслав споткнулся о камень, а Девясил воздел руки и возопил:

- Дольмен! Я вижу дольмен! Скорее, идемте же туда!
- Вот те серые камни – дольмен?
- Конечно же! И как хорошо сохранился. Быстрее.

На небольшом пригорке, что одной стороной круто осыпался к речке, а другой полого уходил в долину, среди тоненьких молодых буков корячилось сооружение из серых каменных плит. Три толстых стены и плоская крыша. Обломки четвертой вросли в землю. Кто-то, когда-то разбил ее, дабы познать, что внутри.

Вместо разбитой стены вход занавешивал потерявший от непогоды цвет кусок брезента. Внутри дольмена этруски нашли большое эмалированное ведро, обложенное красным камнем кострище и лежбище – толстый слой старого лапника, накрытый рваным одеялом.

– Да кто же это посмел! Да это же... это... это оккультная святыня! Здесь узел невидимых миру энергий! С помощью

этого дольмена можно выходить на связь с посвященными высших степеней! А здесь какое-то рыло кашу в ведре варило.

– А может это, ну, посвященный высших степеней?

– Я бы почувствовал посвященного. Волхвы такое чувствуют. О, я тут остаюсь. Прошу вас зайти ко мне домой и передать моим дочерям следующее. Раз в сутки, утром, пусть приносят сюда воду и еду. Да, пару одеял, спички, фонарик, мою специальную мандалу и мои специальные четки пусть тоже принесут. Носки шерстяные. Ну пока все. Идите немедленно. Вам может быть нанесен вред. Непосвященным вообще не стоит подходить к дольмену ближе трехсот метров. Все. Идите, ничего слышать не хочу. И видеть.

И волхв вытолкнул Вячеслава из узла невидимых миру энергий, задернул брезентовый полог и замер под каменным сводом в позе утроенной чуткости. Вячеслав не успел намекнуть Девясилу, что грибы неплохо бы поделить. Собирали-то вместе, а складывали-то в одну рубашку. А еще, он не успел обратить внимание посвященного на процарапанный в камне над лежищем православный восьмиконечный крестик.

Утешился этруск по дороге домой на полянке с огромными боровиками. Вячеслав не знал грибов, но это были именно боровики – большие, крепкие и очень съедобные. По примеру Девясила он снял рубашку, застегнул на все пуговицы

и завязал узлом у воротника. Наполнив этрусский мешок, Вячеслав вышел из леса.

Волхвущек он застал не одних. Они поили травяным чаем гостя – огромного мужика совершенно не этрусского вида. Мужик Вячеславу обрадовался и представился верховным князем-правителем всех этрусков северного полушария Богуславом Мравинским.

– Мы, Мравинские три тысячи лет уже традиционно князи-правители. В роду у нас всегда по мужской линии один сын Богуслав, и один долг – служить благу Этрусии.

– Князь нам картошки принес, – произнесла зеленая с искорками.

– Настоятельно рекомендую всем этрусским семьям покопаться в заброшенных огородах. Мы с сыном нашли картошку и чеснок. Картошка мелкая. Наверное, выродилась. Необходимо создать посевной фонд!

– А у вас что? Грибы! Какие красивые.

И зеленая с искорками отобрав грибы у вновь пришедшего рассыпала их на столе.

– Девочки, перебирать! Мыть и чистить. Будем варить суп. А вас как зовут?

– Вячеслав...

– Какое красивое имя. А нас Маша, Даша и Тамара.

– Спасибо. У меня поручение от вашего отца.

И Вячеслав рассказал о дольмене, и о пожеланиях волхва.

Мравинский был счастлив.

– Теперь в Этрусии есть свой отшельник! Власть светская и власть духовная. Возрождение! Настоятельно рекомендую всем этрускам нести сюда от своих столов, что кто может, а девушки будут навещать нашего оракула и передавать нам его откровения!

– Да, конечно, но я все-таки пойду. Там дома жена и дети одни. До свидания. Рад знакомству.

Грибы было жалко. Даже не грибы, как предмет, а общей, семейной радости по поводу необычной еды. Однако величие Этрусии, каким-то неуловимым образом, зависит от щедрой раздачи всего всем, и прямо противостоит любой, даже самой невинной, алчности. Вячеслав о величии много не знал, но всякий раз, как и теперь, нес домой острое ощущение чистой совести.

Без осознания Бога, как реальной, везде и всегда присутствующей, равнодушной, любящей Личности, нет и равнодушного ко всему и всегда любящего человека. Вообще, нет любви, как принципа, если Бога нет.

Общее благо не ради любви, а ради удобств – бессмыслица, которой засеяны сейчас многие и многие головы, избравшие свободной волей себе в удел брюшко, членчик, и мозговую тщу. Жаль, что удел сей в могиле сгниет у каждого в свой срок, но у всех неизбежно.

Чудом необходимо признать неосознанно любящих, тех, кто живет по Евангелию, а о Евангелии и не слышали. Что заставляет неверующего поступать против собственных выгод? Говорят, генетическая память, то есть верующие предки. А еще, говорят, совесть, то есть глас Божий.

Агния плакала. Рыбы, которых принесли дети, сверкали и пахли травой. Сковородку нашли, но не было масла. Ничего, она испечет их на костре. Муж смотрел так, что невозможно было не плакать. Дети галдели и носились по двору так, что невозможно было не плакать. Закат над долиной был такой, что невозможно. Агния плакала от любви.

Черный джин построил кровати и заменил фанерками разбитые стекла. Он действительно ничего не взял взамен, даже хозяйкино «огромное спасибо» попросил отдать кому-нибудь другому. Сказал, что придет утром и исчез.

Ра и Лю пытались объяснить маме что-то про кислород, что-то про вывернутых наизнанку рыбок, что-то про белую мякоть в зеленых орехах и о горьких ореховых червяках, и о скользких камнях под водопадом, и еще о многом невероятно важном. Закат же мешался с дымом костра и во всем была простая, как удар сердца, как красное яблоко, правда.

Дорога – часть речи зависящая от ударения. А на Руси сейчас и дороги лучше, и дураков меньше. Повывела дураков эпоха дикого рынка. Одно из самых прекрасных туземных качеств – доверчивость, что среди белых долихоцефалов только у русских до последнего сохранялась, канула в сказку.

В языке лишнего нет. Без до-верия, и вера не придет. Потому дураком доверчивого только бессовестный назовет. Не надо бы дикому рынку на Руси русских калечить. Не полезно цивилизованным людям в дикостях участвовать.

Красная «копейка» с холодильником на крыше шла по трассе «М4» Москва – Краснодар – Новороссийск. На подходе к станции Павловской, что у развилки на Владикавказ, на дорогу вышел страус. Страус был большой, а голова его была маленькая. Он напал на красного ревущего зверя, что бежал быстро, но был ниже, а значит слабее.

Страус умер, а копейку вынесло за обочину и положило на бок. Когда Рудомаха очнулся, он лежал возле мертвой птицы. Два натуральных армянина тихо спорили на неизвестном языке. Один, что повыше, опирался на длинную

палку с петлей на конце. Рудомаха сел и застонал.

– Жив, дорогой! Не плачь, сейчас трактор будет, сейчас все будет!

– Молчи, Вагран. Уважаемый, как ты себя чувствуешь?

– Голова болит...

– Конечно, болит! Такая авария страшная, дорогой! Сейчас к доктору поедem! Все вылечим!

– Молчи, Вагран. Уважаемый, как тебя зовут?

– Андрей Юрьевич Рудомаха, следовательно... Бывший.

– Как бывший? Кто тебя бывшим сделал?! У меня племянник в Ростове, в прокуратуре! Мы тебя главным следователем сделаем, дорогой!

– Молчи, Вагран. Андрей Юрьевич, сейчас трактор придет, твою машину на колеса поставит, скотину эту на него погрузим и я тебя к врачу отвезу. Тут недалеко ехать.

– Спасибо. Откуда здесь страус?

– Это армянский страус, дорогой! Смотри какое перо! А ляжки, ляжки! Только у нас такие страусы!

– Молчи, Вагран. С фермы сбежал. Ферма здесь страусиная недалеко. Мы, с Ваграном – погоня. Хорошо, что успели дорезать теплого – мясо не пропало.

– Мясо, дорогой, пальчики оближешь! Для тебя шашлык из страуса сейчас буду делать! Такой шашлык! Такое вино! Что доктор, Вагран тебя на ноги поставит, на двадцать лет больше жить будешь!

– Молчи, Вагран. Встать сможешь, Андрей Юрьевич? Вон трактор уже идет. Ты куда ехал, расскажи.

Люди считают себя источниками мнений и идей, но всегда являются только носителями заложенного извне. Не генерирует человек ничего из себя, только выбирает для себя. Именно тот или иной выбор говорит о величии или о ничтожестве каждого конкретного человека.

Девясил замерз. Рваное одеяло не грело, а дрова собирать было уже темно. Посвященные высших степеней на связь не вышли. Были звуки, но волхв сильно подозревал, что это звуки леса. Река шумела. Девясил знал, что боровики можно есть сырыми, и съел два гриба. Без соли было не вкусно.

Простые стихии затаились и не выказывали себя, а неведомое приближалось. Волхв осязал шорох судьбы. Наваливалось извне нечто непреодолимое, неотвратимое. Такое, что если не сможешь отвернуться, не одолеешь. А как тут отвернешься, если оно уже входит. И ты заперт в каменной волхоловке.

Нечто вошло в форме черного человека в остроконечной шапочке. Черный человек повел носом и пронзил горящими глазами дрожащего в углу Девясила:

– Мерзнешь бес? В аду теплее? Так и сгинь, – и монах

осенил угол троеперстным крестом.

– Не сгинул? Значит Богом попущено тебе, меня этой ночью смущать, свинорыльце?

– Ом! Мани! Падме! Хум!

– Как тебя зовут, мне без разницы.

Монах встал на колени перед процарапанным в камне над ложем восьмиконечным крестиком.

– Не лобзание Тебе приношу, яко Иуда, но как разбойник исповедую Тя. Помяни мя Господи во царствии Твоем.

И монах со своего самодельного жизненного креста стал каяться распятому людьми Богу. Он плакал, бился головой о землю и признавался в таких грехах, что у Девясила волосы на голове дыбом вставали. Волхв пребывал на грани обморока. Черный человек оказался омерзительным чудовищем из антимира.

Невыносимое продолжалось всю ночь. Принеся Богу покаяние, монах стал петь славу. Будь Девясил святоотчески образован, он бы узнал многое, но тьма невежества, потому и тьма, что в ней ничего не видать.

Справедливости ради необходимо заметить, что православные канонисты осудили бы беглого монаха за то, что он мешает в кучу куски литургии, акафисты и псалмы. Того хуже, то и дело сбивается на покаянный плач собственного со-

чинения. Недоговорив пол слова, вдруг падает головой в пол и вообще, читает не монотонно.

Волхв же под бормотание, вскрики и пение просто уснул. Только сон почему-то ничем не отличался от яви. Во сне черный человек что-то говорил ему о мире, что-то важное, но проснувшись, Девясил не смог вспомнить что. От важного осталось только ощущение важности.

Черного человека в дольмене не было. За брезентовым пологом раннее сырое утро. Надо собирать дрова, варить грибы. Не забудут ли дочери соль принести?

Проблема отцов и детей существует только там, где отцы доверяют воспитание чужим (по мироощущению) дядечкам. А с недавних пор и тетечкам. Не даром у слова учитель до недавнего времени не было женского рода. Здесь не попытка унижить женщин. Здесь констатация деградации мужчин. По системе Мравинского, отцы и дети вообще не должны разлучаться до совершеннолетия. Совершеннолетним же мужчина становится, обретя сына.

Богуслав младший был румяным крепышом совершенно не этрусского вида. К двенадцати годам он сносно владел тремя языками и уникальной системой этрусской психосоматической самообороны. Мало того, папа сумел внушить ему неизбывную страсть защищать.

Мальчик защищал все, что нужно было и не нужно было в защите, но больше прочего, идеи своего отца. В диком поле такие не доживают до старости. Этруссия – одно из немногих мест, где всегда сохраняется их семья.

По княжескому расписанию день начинался с обливания холодной водой. Теперь из колодца. Затем обязательный умный поиск – в чем сегодня нуждается Родина. Затем obsуж-

дение и утверждение к неукоснительному исполнению простых дел на благо страны. Тех, что можно успеть за день. И завтрак.

Сегодня завтрак состоял из картошки, чеснока и воды. Каким-то таинственным образом скудность стола вдохновляла и князя и княжича. Они ощущали себя не обделенными хомячками, но поджарыми, стремительными драконами.

Сегодняшних дел было два. Накормить страну, для чего необходима инвентаризация одичавших огородов – делает князь и подробно изучить местность для будущего строительства и возможных военных действий – делает княжич.

Богуславушка пружинкой скатился с крыльца, перелетел через забор и замер в высокой траве. В траве полно росы, но она скрыла мокрого наследника от возможных глаз. Враги не спят.

Княжич расшнуровал кроссовки. Один шнурок разрезал ножиком на два и зашнуровал обувь половинками. Вторым привязал вокруг головы несколько пучков травы.

Теперь его макушка исчезла из оптического прицела. Если менять стремительное движение на полную неподвижность, можно выжить. Конечно, двигаться по наитию, а за-

мирать в местах с хоть каким-то обзором.

За забором обзор был шикарный. Вниз по склону полянка упиралась в кудрявые кустарники. За ними, предположительно, текла река. За рекой крутая горка с желтыми клыками острых скалок. Над горкой небо на западе. Это прямо. За спиной же, полянка полого поднималась к лесу.

Дети и женщины не лишены способности рассуждать, но пользуются этой способностью не для принятия решений, а для доказательства целесообразности уже принятых без нее. Конечно же, лес был тылом Этрусии. За лесом вздымалась Лев-гора, а за ней другие побольше. Богуслав младший уже точно знал – враг в долине, на западе.

Подходы к столице необходимо изучить досконально. Перебежка зигзагом с попыткой не шевелить траву получилась достаточно бесшумной. Он должен быть зеленым бликом на зеленом, тенью на темном, держать противника против солнца и слышать все не издавая ни звука. Его время суток – утро.

Рядом с человеком всегда была музыка. Упорство, с которым люди тысячелетие за тысячелетием оплачивают труд музыканта, говорит о том, что музыка, это не досуг. Музыка, это оружие. Музыка сохраняет или изменяет генетический код. Генетический код нашего духа.

Первое, что говорят о том или ином поколении, это какую музыку оно слушало. Остальные разницы – следствие. Музыкой можно за год превратить человека в алкоголика, за пол года примирить с иглой. Можно даже изменить национальность, даже пол. А можно унинац унисекс пустоглазый синкретировать, то есть, попросту, убить. Осторожнее надо с музыкой.

Особенно осторожно необходимо обращаться с блок флейтой. Особенно опасна блок флейта сопрано. Особенно в сочетании с простыми барабанами в минуты прямой физической угрозы. То есть, перед лицом врага.

Врагами Буяна были непослушные пальцы, беспорядочное дыхание и живое (прыгающее) внимание. Друзьями же – прекрасная память, хороший слух и врожденная музыкальность. Мальчишка и сам овладел бы инструментом, но мне

хотелось большего. Мы учились разить и заражать.

Ра и Лю раилюкали вокруг монаха, который разбирал полуразрушенный сарай, а Вячеслав увел жену и старшую дочь за грибами. Вытащив очередной ржавый гвоздь из серой доски, черный человек, присев на корточки, выпрямлял его камнем и нежно укладывал в штабелек к таким же.

Буян пытался использовать этот стук, и у него получалось. Сегодня все, что мы с ним разучили называлось «Радость Встающего Солнца». Монах улыбался. Мне очень хотелось с ним поговорить, но кроме «здравствуйте» ничего не получилось. Черный человек был скрыт за невидимой, но очень твердой стеной. Все вопросы перед этой стеной рассыпались непроизвольно.

Потом Ра и Лю заявили:

– Хватит. Солнце уже встало. Давайте теперь «Радость Летящего Солнца», а то перевстанет слишком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.